

Эволюция принципа правого дела в теории справедливой войны

Татьяна ЕПИФАНОВА

Формирование теории справедливой войны

Развитие человеческого общества во все времена сопровождалось войнами, являвшимися средством решения внешнеполитических проблем. Будучи крайне жестоким для субъектов войны способом достижения поставленных политических целей и задач, она всегда рассматривалась и оценивалась в качестве последнего аргумента политического противостояния. Во все исторические периоды наблюдалось стремление упорядочить и ограничить применение этого средства политического спора. Так формировалась доктрина справедливой войны, древнейший и средневековый вариант которой принято называть *классическим*.

В Новое время доминирование естественно-правовых взглядов и их влияние на теорию *справедливой войны* позволило исследователям определить этот этап развития как легалистский, продолжающийся до настоящего времени¹. Следует понимать, однако, что легализм эпохи Нового времени и Просвещения потенциально не может определять содержание теории справедливой войны XX–XXI вв., что позволило, в частности, Себастьяно Мафкеттоне нормативную политическую теорию справедливой войны разделить на современную и сегодняшнюю, различие между которыми он связывает с раз-

ЕПИФАНОВА Татьяна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail*: tanjaepi@mail.ru

Ключевые слова: теория справедливой войны, принцип правого дела, *jus ad bellum*, гуманитарная интервенция, ответственность по защите.

¹ *Мафкеттоне С.* Справедливая война и гуманитарная интервенция // Россия в глобальной политике 27.08.2015 // URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Spravedlivaya-Voina-i-Gumanitarnaya-Intervenciya-17652>

ницей подходов политического реализма для современной теории справедливой войны и его критикой с позиций нормативного либерального подхода сегодняшней теории справедливой войны².

Только в Новейшее время с появлением международного гуманитарного права, частично основанного на теории справедливой войны, стало возможным рассматривать её как некую правовую доктрину, с одной стороны, как научный методологический подход к рассмотрению международных отношений и политики, отличающийся как от подходов реализма, так и от идеализма – с другой.

По высказыванию Дж.Т. Джонсона, «справедливая война» обозначает широкую и сформировавшуюся на основе консенсуса традицию западной культуры в отношении проблем оправдания и сдерживания насилия во время войны³.

По состоянию на сегодняшний день доктрина справедливой войны содержит два ключевых направления развития:

– военную этико-философскую мысль, включающую как последова-

телей классической теории справедливой войны (традиционалисты), так и сторонников пересмотра традиционных положений теории (ревизионисты);

– правовую этико-юридическую мысль, занимающуюся исследованием и совершенствованием международного гуманитарного права и практики международных отношений с помощью инструментария теории справедливой войны.

Первое из перечисленных направлений начало формироваться в последней четверти XX в.

Общепризнанным его основоположником считается американский учёный М. Уолтцер, монография которого «Справедливые и несправедливые войны»⁴, явившаяся результатом осмысления итогов Вьетнамской войны, впервые опубликованная в 1977 г. и неоднократно переизданная, открыла серию академических исследований проблемы и легла в основу научного дискурса, а также полемики по поводу отдельных проблем, связанных с теорией справедливой войны.

В результате дебатов академическая среда разделилась на два лагеря: традиционалистов во главе с основателем и ревизионистов, подвергающих пересмотру положения теории.

Jus ad bellum et jus in bello: содержание и структура

В структуре теории справедливой войны традиционно выделяют отдельные концепции: *jus ad bellum* (право на войну) и *jus in bello* (право

во время войны)⁵. В последние три десятилетия в содержание доктрины добавляют также концепцию *jus post bellum*, понимаемую как право

² *Маффеттоне С.* Справедливая война и гуманитарная интервенция.

³ *Johnson J.T.* Can modern war be just? / James Turner Johnson. New Haven; L.: Yale univ. press, Cop., 1984.-XI. P. 11.

⁴ *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. 4rd ed. N.Y.: Basic Books, 2006. – 400 p.

⁵ *Ibid.* P. 21.

окончания войны и заключения мирных соглашений^{6, 7}.

Если первые две традиционные части теории представляют собой системы критериев (принципов) справедливой войны, то новейшая часть носит общий характер и не включает четко определённые критерии.

Рассматриваемый критерий *правого дела* составляет вместе с другими пятью принципами концепцию *jus ad bellum*. Всего общепринятых в академической среде критериев восемь:

шесть – *ad bellum* (законной власти; правого дела; добрых намерений; пропорциональности; последней возможности; рациональной вероятности успеха);

два – *in bello* (соразмерности и дифференцирования (или дискриминации)).

Приведённый перечень является общим местом исследований, одна-

ко некоторые авторы расширяют перечень *juris ad bellum* критерием *официального объявления войны*.

В частности, Й. Горри полагает, что должно быть официальное объявление войны, чтобы поставить ведение войны на законную основу и определить взаимоотношения воюющих сторон и третьих сторон⁸. О необходимости публичного заявления о войне пишет и Д. Маккриди⁹.

Перечисленные элементы теории находятся в тесной взаимосвязи между собой, и только наличие полной совокупности всех принципов даёт основание считать войну справедливой согласно её доктрине. Два набора критериев *juris ad bellum* и *juris in bello* устанавливают строгие требования, которым должна соответствовать любая война, если она может быть морально оправданной или допустимой. Ни один из критериев не является необязательным¹⁰.

Jus ad bellum и принцип правого дела

Критерий *правого дела* является одним из ключевых, наиболее важных в системе *juris ad bellum*, поскольку служит связующим звеном всех других принципов *ad bellum*.

Действительно, «принцип *добрых намерений* оценивается на фоне принципа *правого дела*»¹¹, «а именно стремлением к миру и примирению»¹².

⁶ Bass G.J. Jus Post Bellum // Philosophy & Public Affairs. 2004. Vol. 32. Iss. 4.

⁷ Шавеко Н.А. Jus post bellum как раздел теории справедливой войны // Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. Вып. 3.

⁸ Gorry J. 'Just War' or Just War? The Future(s) of a Tradition // Politics. 2002. Vol. 20. P. 178.

⁹ McCready D. Preemption, Prevention, and the Just War Tradition // URL: https://www.academia.edu/4949687/Preemption_Preventive_War_and_the_Just_War_Tradition

¹⁰ Jaysena P. The applicability of Just War criteria to the Gulf War: a critical assessment // The Studies of International Society. 2012. Vol. 1. P. 71.

¹¹ Иванов А.В. Война и справедливость: моральные основания современной теории справедливой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 5. С. 47.

¹² Neta C.C. Just War Theory and the U.S. Counterterrorism War // Perspectives on Politics. 2003. Vol. 1. № 1. P. 7.

Цель принципа *пропорциональности* состоит в том, чтобы ограничить применение силы, когда есть справедливая причина (*правое дело*) для её применения.

Как правило, чем больше вред, причиняемый применением силы, тем убедительнее доводы *prima facie* против применения силы, и, если вред явно несоразмерен благу, получаемому в результате преследования правого дела, прибегать к силе было бы неправильно¹³.

Право начинать войну имеет лишь законная власть. Она приобретает это право только при наличии критерия *правого дела*. Именно оно должно быть мотивом вступления в войну (принцип *добрых намерений*).

Реализация принципа правого дела должна иметь *разумные шансы на успех*.

Вступление в войну допустимо только после исчерпания всех невоенных способов решения конфликта (принцип *крайнего средства*). Ожидаемые потери должны быть *соразмерны правому делу*, за которое начинается война¹⁴.

Очевидно, что все принципы концепции *juris ad bellum* функционально скреплены воедино именно посредством критерия правого дела.

Однако С. О’Дрисколл отмечает его «эскалационный потенциал» в

рамках всей доктрины справедливой войны.

Именно поэтому он полагает, что основатель современной традиционной теории справедливой войны М. Уолцер стремится сдерживать этот потенциал, «настаивая на независимости *jus in bello* от *jus ad bellum*. Наличие справедливой причины для войны (правого дела) не имеет значения для того, как эта армия должна вести свою войну»¹⁵.

Не отрицая значимости критерия правого дела в рамках концепции *juris ad bellum*, некоторые сторонники пересмотра (ревизии) традиционной теории справедливой войны склонны к снижению его роли и значимости. В частности, принципу *правого дела* была посвящена специальная работа одного из известных ревизионистов Дж. Макмаана «Правое дело в войне»¹⁶, в которой он пришёл к выводу, что принцип правого дела менее значим, чем многие предполагали, в то время как принцип *пропорциональности* играет большую роль, чем это принято считать¹⁷.

Оценивать значимость критерия правого дела в рамках теории справедливой войны в целом и концепции *juris ad bellum* в частности можно, только выявив содержание и эволюцию содержания принципа правого дела.

¹³ Linden H. van der. Just Military Preparedness: A New Category of Just War Theory // Paper Presented at the Department of Philosophy at Michigan State University. 2010. P. 11 // URL: https://digitalcommons.butler.edu/facsch_papers/1073

¹⁴ Прокофьев А.В. Идея справедливой войны в западной этической традиции (от античности до середины XVIII в.) // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 113.

¹⁵ O’Driscoll C. No substitute for victory? Why just war theorists can’t win // European Journal of International Relations. 2020. Vol. 26. Iss. 1.

¹⁶ McMahan J. Just Cause for War // Ethics and International Affairs. 2005. Vol. 19. Iss. 3.

¹⁷ Ibid. P. 4.

Содержание понятия принципа правого дела в классический период теории справедливой войны

Истоки понятия правого дела как основания принципа правого дела в теории справедливой войны большинство исследователей относят к классическому её периоду, к трудам средневекового христианского мыслителя Фомы Аквинского. Ряд авторов полагают, что критерий правого дела зародился в раннехристианской мысли Августина Аврелия.

Д. Медникофф видит основы принципа правого дела в трудах Августина Аврелия, для которого война могла быть предпринята только для достижения мира, и правое дело, в частности, означало предотвращение причинения вреда невинным¹⁸. По мнению исследователя, эта идея ранней мысли о справедливой войне, согласно которой вооружённый конфликт должен быть развязан в первую очередь для оказания помощи нуждающимся, контрастирует с акцентом современного международного права на самооборону как на оправданную причину войны, поскольку сосредоточение внимания на оправдании войны для защиты жизней людей может фактически делегитимизировать самооборону как основание для войны. С другой стороны, отмечает Д. Медникофф, считать защиту невинных жизней главным фактором при определении легитимности вооружённого конфликта превращает гуманитарный кризис в типичную,

а не необычную причину для оправданной войны¹⁹.

Схожее мнение высказывают М. Фиксдейл и Д. Смит. Помимо наказания за проступок, полагают они, классическая традиция в лице Августина подчёркивает защиту невинных как правое дело. С теологической точки зрения защита невинных является высшим благом по сравнению с самозащитой, поскольку в ранней теологии христианин не должен придавать слишком большого значения земной жизни; убийство в целях самообороны может быть актом высокомерия, а также насилия и, таким образом, быть греховным по двум пунктам. Моральное превосходство защиты другого над самообороной выражает два основных принципа: правило «никому не причинять вреда» поддерживает ненасильственный ответ на насилие над самим собой, а правило «помогать всем, когда это возможно» допускает насилие в защиту других²⁰.

Следовательно, в наследии Августина можно усмотреть два основания критерия правого дела: защиту невинных и самооборону.

Перечень оснований правого дела был расширен Фомой Аквинским.

Ссылаясь на него, К. Браун цитирует понимание теологом справедливой причины (правого дела): для справедливой войны «требуется правое дело, а именно, чтобы те, на кого

¹⁸ *Mednicoff D.M. Humane Wars? International Law, Just War Theory and Contemporary Armed Humanitarian Intervention // Law, Culture and the Humanities. 2006. Vol. 2. № 3. P. 379.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Fixdal M., Smith D. Humanitarian Intervention and Just War // Mershon International Studies Review. 1998. Vol. 42. № 2. P. 296.*

нападают, подвергались нападению, потому что они этого заслуживают»²¹.

Дж. Макмаан отмечает, что критерий правого дела Фомы Аквинского в рамках справедливой войны включает:

- защиту от несправедливых угроз;

- взыскание или компенсацию за то, что было незаконно отнято, или компенсацию за нарушение прав;

- наказание за правонарушение не только с целью возмездия, но и для предотвращения или сдерживания дальнейших противоправных действий со стороны виновника или других лиц²².

Следовательно, изначальный перечень включённых средневековым христианским мыслителем в концепцию правого дела оснований начала справедливой войны довольно разнообразен.

Всего, резюмируют М. Фиксдейл и Д. Смит²³, Д. Маккриди²⁴ и другие авторы, классическая традиция одобряла четыре причины для обращения к применению силы:

- самооборона;

- защита союзников;

- возвращение (или помощь союзникам в возвращении) того, что было потеряно в предыдущей войне;

- наказание за правонарушение.

Хотя первоначальная формулировка доктрины справедливой войны Августином Аврелием и Фомой Аквинским подчёркивала важность правого дела и формулировала правое дело с точки зрения построения мира и помощи невинным, развитие мышления о справедливой войне после Средневековья имело тенденцию приглушать суждения учёных о причине в пользу уважения к суверенной власти²⁵.

Содержание понятия принципа правого дела в постклассический период теории справедливой войны

Уже в XX в., но в рамках всё той же католической христианской традиции произошла редукция содержания принципа правого дела до одного основания начала справедливой войны – самообороны.

По мнению К. Хаймеса, папа Пий XII свёл справедливую причину войны к одной категории –

оборонительной войне для противодействия агрессии. Эта точка зрения была широко принята среди теоретиков справедливой войны, а утверждение о том, что справедливая война – это война в целях обороны, стала нормативным стандартом в католическом мышлении²⁶.

²¹ Braum C.N. Quo Vadis? On the role of just peace within just war // *International Theory*. 2022. Vol. 15. Iss. 1.

²² McMahan J. Just Cause for War. P. 11.

²³ Fixdal M., Smith D. Humanitarian Intervention and Just War. P. 295.

²⁴ McMahan J. Just Cause for War.

²⁵ Mednicoff D.M. Humane Wars? P. 379.

²⁶ Himes K.R.O.F.M. Intervention, Just War, And U.S. National Security // *Theological Studies*. 2004. Vol. 65. P. 141–142.

С. Маффеттоне отмечает, что в легалистской парадигме справедливой войны совпадает с оборонительной войной: «Концепция справедливой войны как войны оборонительной принадлежит, ...католической доктрине XX века, хотя и выходит далеко за её рамки, будучи составной частью не только религиозных и теологических теорий, но также теории права, морально-политической философии и Устава ООН»²⁷.

М. Фиксдейл и Д. Смит подчёркивают, что право на самооборону является наиболее широко признанной причиной применения военной силы, что закреплено ст. 51 Устава ООН. Однако, по их мнению, самозащита как единственное основание правого дела не соответствует классической мысли Августина и Фомы Аквинского²⁸.

Ограниченность международного гуманитарного права в сфере легитимизации применения силы отмечает и Д. Медникофф, полагая, что ясность международного права в том, что государственная самообо-

рона является единственной непроверяемой правовой причиной применения силы и соответствующая ей неясность в отношении других важных оснований, таких как геноцид, представляют собой препятствие для глобальных действий в отношении последнего²⁹.

Таким образом, в постклассический период развития теории справедливой войны принцип правого дела ограничивался единственным основанием самообороны, совпадавшим с легитимным основанием применения военной силы в международном гуманитарном праве. В этот же период времени, как известно, широко обсуждался мировым сообществом важный, неоднозначный и очень сложный вопрос о соотношении приоритета национального суверенитета и прав человека, окончательно не решённый до настоящего времени. Неудивительно, что сейчас узкое толкование принципа правого дела пересмотрено, а перечень оправданных оснований начала войны существенно расширен.

Понятие правого дела как справедливой причины начала войны в настоящее время

В отношении функции критерия правого дела как в концепции *juris ad bellum*, так и доктрины в целом, М. Ригстад совершенно справедливо полагает, что принцип правого дела налагает ограничение на то, какие цели могут быть достигнуты с помощью применения оружия. Следовать критерию правого дела – значит

иметь этически законную цель, которая иногда может быть оправданно достигнута с помощью войны. Тем не менее, подчёркивает исследователь, не всякое правое дело может быть оправданной причиной начала справедливой войны: «У кого-то может быть справедливое дело, которое... слишком тривиально, чтобы оправ-

²⁷ Маффеттоне С. Справедливая война и гуманитарная интервенция.

²⁸ Fixdal M., Smith D. Humanitarian Intervention and Just War. P. 295.

²⁹ Mednicoff D.M. Humane Wars? P. 376.

дывать войну. Поскольку наличие справедливого дела – это “не вопрос масштаба”, а вопрос о том, является ли предлагаемая война справедливым средством достижения конкретного справедливого дела»³⁰.

Схожую мысль чуть ранее высказал и Дж. Макмаан: правое дело ничего не говорит о соображениях масштаба, но функционирует исключительно как ограничение типа цели, которая может законно преследоваться с помощью войны. Потому что правое дело – это лишь ограничение на тип цели, которая может оправдать войну³¹.

Таким образом, не всякое правое дело оправдывает начало войны, но война без справедливой причины не может быть оправдана.

Как уже упомянуто, современное понимание правого дела не ограничивается обороной. Можно сказать, что достигнут определённый консенсус в отношении основных справедливых причин начала войны. Ряд исследователей следует традиции.

Например, Й. Горри вслед за классическими мыслителями полагает, что «правое дело подразумевает самооборону или исправление причинённого вреда»³². Или П. Джайсена пишет, что «правое дело, которое делает вступление в войну морально допустимым, – это:

- защита от агрессии;
- защита других от таковой;
- защита невинных от жестоких, агрессивных режимов;

– наказание за тяжкий проступок, который остаётся неисправленным»³³.

Но возвращение к классическим основаниям не исчерпывает содержание понятия критерия правого дела в доктрине справедливой войны на современном этапе её развития. Расширение справедливых причин начала войны связано с тремя появившимися недавно обстоятельствами, повлиявшими на переоценку войны:

- гуманитарной интервенцией;
- терроризмом;
- распространением оружия массового уничтожения.

В результате этих новых реалий современного мира, по мнению К. Хаймеса, аргумент в пользу того, что представляет собой правое дело, вышел за рамки самообороны³⁴.

Традиция справедливой войны, как пишет Д. Медникофф, когда она трактуется иначе, чем ограничение правого дела самообороной, отдаёт приоритет гуманитарному вмешательству как справедливой войне, поскольку вопросы справедливости дела, полномочий, намерений и средств будет легче всего решить, когда страна вступает в войну, чтобы защитить себя или помочь другим. Таким образом, военное вмешательство, которое не удалось осуществить в Руанде и остановить геноцид 1994 г., было бы простым примером для возрождённой теории справедливой войны, которая свя-

³⁰ Rigstad M. Jus Ad Bellum after 9/11: A State of the Art Report // The IPT Beacon. 2007. № 3 // URL: <https://ssrn.com/abstract=1317606>

³¹ McMahan J. Just Cause for War. P. 4.

³² Gorry J. 'Just War' or Just War? The Future(s) of a Tradition. P. 178.

³³ Jaysena P. The applicability of Just War criteria to the Gulf War: a critical assessment. P. 68.

³⁴ Himes K.R.O.F.M. Intervention, Just War, And U.S. National Security. P. 150.

зывает массовые нарушения прав человека с правым делом³⁵.

Развитие теории справедливой войны привело к тому, что в настоящее время в качестве легитимных поводов начала войн рассматриваются следующие случаи:

- оборонительная война;
- помощь союзнику;
- гуманитарная интервенция, направленная на прекращение гражданских войн или смену агрессивного режима;
- борьба с террористическими угрозами³⁶.

Каждому из перечисленных вариантов критерия правого дела в зарубежной военной этике и философии уделяется повышенное внимание.

Наиболее дискуссионным вопросом является включение в список оправданных оснований, инициирующих гуманитарные интервенции * «для предотвращения крупномасштабных нарушений прав человека в иностранных государствах»³⁷.

Понятно, что одни авторы включают гуманитарные причины в список оправданных оснований начала интервенции, а другие обоснованно видят «разрыв между тем, что считается законным, и тем, что явля-

ется законным на самом деле»³⁸. Наибольшие и весьма обоснованные сомнения и критику вызывает попытка применения критерия правого дела в превентивной борьбе с терроризмом и предотвращением распространения оружия массового уничтожения.

Поскольку гуманитарная интервенция стала центральной проблемой теории справедливой войны, то в 90-х годах возник консенсус о том, что массовые нарушения основных прав человека являются справедливым поводом для вмешательства³⁹. Однако исследователями⁴⁰ отмечается, что, используя этот консенсус, военный и экономический гегемон, такой как США, может оказывать давление на Совет Безопасности ООН для свержения гораздо более слабого правительства, что противоречит самой сути глобального правового порядка. Это и произошло, к примеру, с гуманитарной интервенцией в Ирак (2003 г.), окончательно дискредитировавшей саму концепцию гуманитарной интервенции как таковую и приведшей ей на смену концепцию «ответственности по защите». Приведённый пример лишь один в череде подобных.

³⁵ *Mednicoff D.M.* Humane Wars? P. 384.

³⁶ *Иванов А.В.* Война и справедливость: моральные основания современной теории справедливой войны. С. 46–47.

³⁷ *Taylor I.* Just War Theory and the Military Response to Terrorism // *Social Theory and Practice*. 2017. Vol. 43. № 4. P. 723.

³⁸ *McCready D.* Preemption, Prevention, and the Just War Tradition.

³⁹ *Davenport J.J.* Just War Theory, Humanitarian Intervention, and the Need for a Democratic Federation // *Journal of Religious Ethics*. 2011. Vol. 39. № 3. P. 518.

⁴⁰ *Gobbi B.* Just War Tradition and 'Humanitarian Intervention'. 2021 // URL: https://www.academia.edu/72391850/Just_War_Tradition_and_Humanitarian_Intervention_

* Дискуссия о легитимности инициации гуманитарных интервенций во всей полноте развернулась в западной мысли после распада СССР и биполярного мира с начала 90-х годов прошлого века и продолжается в настоящее время. Результаты состояния дебатов к началу XXI в. весьма полно представлены в: *Fixdal M., Smith D.* Humanitarian Intervention and Just War.

Подводя итоги, важно отметить, что принцип правого дела концепции *juris ad bellum* теории справедливой войны является ключевым и связующим элементом всей системы принципов, оправдывающих применение в политике такого крайнего средства разрешения конфликта, как война. Зародившись в недрах средневековой христианской традиции, правое дело в классический период существования теории понималось как одно из четырёх возможных оснований для легитимизации начала вооружённого противостояния:

- самообороны;
- защиты союзников;
- возвращения потерянного в предыдущей войне;
- наказания за правонарушение.

Эволюционируя на протяжении периода Нового времени, понятие правого дела в рамках всё той же христианской традиции постепенно утрачивало набор оснований для оправданного начала военных действий, что привело к редукции его содержания. В постклассический период развития теории справедливой войны Новейшего времени единственным основанием критерия правого дела осталась самооборона, получившая закрепление в международном праве.

На современном этапе развития теории перечень оснований принципа правого дела не только вернулся к классическим истокам, но и существенно пополнился в связи с реалиями международной политической жизни:

- защитой прав человека (недопущение геноцида);
- предотвращением угроз, связанных с оружием массового уничтожения;
- борьбой с терроризмом.

Новации, вносимые в классическое содержание принципа правого дела, имеют двойственный характер: с одной стороны, они направлены на защиту общечеловеческих ценностей, с другой – представляют широкие возможности для решения собственных политических проблем странами-гегемонами и военно-политическими блоками силовыми методами.

Манипуляции с общечеловеческими ценностями для достижения политических целей западной коалицией оказались столь очевидными, что это привело к дискредитации концепции гуманитарной интервенции, так и не получившей закрепления в международном праве, и в целом в мировом сообществе в начале XXI в.

Сменившая концепцию гуманитарной интервенции концепция «ответственности по защите» хотя и получила международно-правовое закрепление, но не смогла преодолеть дуализма предшественницы, что чётко проявилось в ходе ливийского кризиса (2011 г.) и последовавший период. Именно поэтому Россия не признаёт «ответственность по защите» в качестве международно-правовой нормы⁴¹.

Очевидно, что современное понимание принципа правого дела концепции *juris ad bellum* теории справедливой войны является дискуссионным как в академической среде, так и в мировом политическом сообществе.

⁴¹ Геворгян К. Концепция «ответственность по защите» // Международная жизнь. 2013. № 8. С. 71–84.

Эта важная с учётом значимости теории справедливой войны как этико-правовой доктрины дискуссия далека до завершения и потребует значительных усилий для достижения консенсуса.

Библиография • References

- Геворгян К.* Концепция «ответственность по защите» // *Международная жизнь*. 2013. № 8. С. 71–84.
 [Gevorgyan K. Konceptsiya «otvetstvennost' po zashchite» // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2013. № 8. S. 71–84]
- Иванов А.В.* Война и справедливость: моральные основания современной теории справедливой войны // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2017. Т. 11. № 5. С. 46–50.
 [Ivanov A.V. Vojna i spravedlivost': moral'nye osnovaniya sovremennoj teorii spravedlivoj vojny // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk*. 2017. T. 11. № 5. S. 46–50]
- Маффеттоне С.* Справедливая война и гуманитарная интервенция // *Россия в глобальной политике* 27.08.2015 // URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Spravedlivaya-Voina-i-Gumanitarnaya-Interventsiya-17652>
 [Maffettone S. Spravedlivaya vojna i gumanitarnaya intervenciya // *Rossiya v global'noj politike* 27.08.2015 // URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Spravedlivaya-Voina-i-Gumanitarnaya-Interventsiya-17652>]
- Прокофьев А.В.* Идея справедливой войны в западной этической традиции (от античности до середины XVIII в.) // *Этическая мысль*. 2019. Т. 19. № 2. С. 112–127.
 [Prokofev A.V. Ideya spravedlivoj vojny v zapadnoj eticheskoy tradicii (ot antichnosti do sereдины XVIII v.) // *Eticheskaya mysl'*. 2019. T. 19. № 2. S. 112–127]
- Шавеко Н.А.* Jus post bellum как раздел теории справедливой войны // *Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения*. 2022. Т. 6. Вып. 3. С. 359–368.
 [SHaveko N.A. Jus post bellum kak razdel teorii spravedlivoj vojny // *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. T. 6. Vyp. 3. S. 359–368]
- Bass G.J.* Jus Post Bellum // *Philosophy & Public Affairs*. 2004. Vol. 32. Iss. 4. P. 384–412.
- Braun C.N.* Quo Vadis? On the role of just peace within just war // *International Theory*. 2022. Vol. 15. Iss. 1. P. 1–23.
- Davenport J.J.* Just War Theory, Humanitarian Intervention, and the Need for a Democratic Federation // *Journal of Religious Ethics*. 2011. Vol. 39. № 3. P. 493–555.
- Fixdal M., Smith D.* Humanitarian Intervention and Just War // *Mershon International Studies Review*. 1998. Vol. 42. № 2. P. 283–312.
- Gobbi B.* Just War Tradition and 'Humanitarian Intervention'. 2021 // URL: https://www.academia.edu/72391850/Just_War_Tradition_and_Humanitarian_Intervention
- Gorry J.* 'Just War' or Just War? The Future(s) of a Tradition // *Politics*. 2002. Vol. 20. P. 177–183.
- Himes K.R.O.F.M.* Intervention, Just War, And U.S. National Security // *Theological Studies*. 2004. Vol. 65. P. 141–157.
- Jaysena P.* The applicability of Just War criteria to the Gulf War: a critical assessment // *The Studies of International Society*. 2012. Vol. 1. P. 65–78.

- Johnson J.T.* Can modern war be just? / James Turner Johnson. New Haven; L.: Yale univ. press, Cop., 1984.-XI. – 215 p.
- Linden H. van der.* Just Military Preparedness: A New Category of Just War Theory // Paper Presented at the Department of Philosophy at Michigan State University. 2010. P. 1–24 // URL: https://digitalcommons.butler.edu/facsch_papers/1073
- McCready D.* Preemption, Prevention, and the Just War Tradition // URL: https://www.academia.edu/4949687/Preemption_Preventive_War_and_the_Just_War_Tradition
- McMahan J.* Just Cause for War // Ethics and International Affairs. 2005. Vol. 19. Iss. 3. P. 1–21.
- Mednicoff D. M.* Humane Wars? International Law, Just War Theory and Contemporary Armed Humanitarian Intervention // Law, Culture and the Humanities. 2006. Vol. 2. № 3. P. 373–398.
- Neta C.C.* Just War Theory and the U.S. Counterterror War // Perspectives on Politics. 2003. Vol. 1. № 1. P. 5–25.
- O'Driscoll C.* No substitute for victory? Why just war theorists can't win // European Journal of International Relations. 2020. Vol. 26. Iss. 1. P. 187–208.
- Rigstad M.* Jus Ad Bellum after 9/11: A State of the Art Report // The IPT Beacon. 2007. № 3 // URL: <https://ssrn.com/abstract=1317606>
- Taylor I.* Just War Theory and the Military Response to Terrorism // Social Theory and Practice. 2017. Vol. 43 № 4. P. 717–740.
- Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. 4rd ed. N.Y.: Basic Books, 2006. – 400 p.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2024 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)